

Вэй Си неловко опустил взгляд и, заметив, что рукоять меча слегка выступила, поспешно потянулся за полосой ткани, чтобы прикрыть её.

— Не двигайся.

Су Цзиньчжи уже склонился над своей тарелкой с лапшой, и казалось, был совершенно спокоен, но в голосе его не было и тени расслабленности.

Вэй Си, чувствуя беспокойство, поднял палочки для еды и краем глаза украдкой посмотрел в ту сторону. Увидев, что взгляд грозного монаха уже отвернулся, он лишь тогда направил палочки к своей миске.

Не успел он сделать и нескольких глотков, как с дальнего конца зала раздался громкий треск — словно кто-то ударил ладонью по столу. Звук раскалывающегося дерева смешался со свистом энергии, что свидетельствовало о немалой силе удара.

Вэй Си обернулся и увидел, что это был тот самый грозный монах.

Остальные посетители были напуганы, и некоторые из более робких уже бросились к выходу.

Официант и хозяин заведения, услышав шум, поспешно вышли из-за стойки, кланяясь и спрашивая, чем они могли обидеть мастера.

Монах, расколовший стол, даже не взглянул на них, глядя в потолок, произнёс:

— Амитофо! Мы заказали вегетарианскую лапшу, а вы подмешали мясо. После многих лет практики я не ожидал, что моя чистота будет нарушена сегодня. Вы, нечестный торговец, обладаете поистине злобным сердцем! Амитофо!

Он постоянно повторял «Амитофо», но в его словах не было и тени смирения, подобающего монаху.

Вэй Си был озадачен. Куски мяса в миске были так велики. Если они не хотели есть мясо, почему бы просто не попросить заменить блюдо? Доедать, а потом начинать ругаться — это явно намеренный поиск повода для ссоры.

Су Цзиньчжи, не поднимая головы, произнёс:

— Лже-монах.

— Вот как.

Только что спустившись с горы, они уже столкнулись с подобным произволом. Вэй Си почувствовал, как в его сердце закипает гнев. Но он вспомнил наставления старшего брата: они всё ещё в бегах, и сами находятся в опасности. Поэтому, едва приподнявшись с места, он снова опустился на сиденье.

Повернув голову, он увидел, что Су Цзиньчжи с невозмутимым выражением лица продолжает есть лапшу, будто ничего не слышал и не видел. Всё происходящее казалось ему далёким спектаклем, не имеющим к нему никакого отношения.

Как и следовало ожидать, после слов монаха хозяин и официант стали кричать о несправедливости, утверждая, что он заказал именно лапшу с говядиной и даже несколько раз подтвердил заказ повару. Как же так получилось, что блюдо уже подано и съедено, а теперь он

вдруг передумал?

Лже-монах фыркнул:

— Ты, нечестный торговец, только и умеешь, что сладко говорить. Я — монах, разве я могу оклеветать тебя?

Вэй Си тихо пробормотал:

— Переворачивают всё с ног на голову, сеют раздор. Какой же он монах?

— Тсс.

Не нужно было и думать, чтобы понять, что это Су Цзиньчжи напомнил ему молчать.

Монах продолжал бушевать, не обращая внимания на окружающих, снова и снова повторяя «Амитофо» с наглой самонадеянностью, а затем, словно не в силах сдержать гнев, ударил по столу ещё раз.

Стол, уже повреждённый первым ударом, не выдержал и раскололся на две части. Посуда и столовые приборы с грохотом упали на пол.

— Это уже слишком.

Вэй Си больше не мог сдерживаться. Раньше он, спускаясь с горы, видел, как хулиганы устраивают скандалы, но чтобы монах вел себя так — это было впервые.

Он уже собирался вступить в бой, но почувствовал тяжесть на руке: Су Цзиньчжи положил свою ладонь ему на руку и едва заметно покачал головой.

— Старший брат!

Этот тихий возглас словно спрашивал: как можно оставаться в стороне, видя такую несправедливость? Оказывается, он уже забыл обещание, данное Су Цзиньчжи на горе, в одночасье.

— Хозяин — тоже не обычный человек.

Едва Су Цзиньчжи произнёс это, как лицо хозяина изменилось. Вся его льстивая угодливость исчезла, и он выпрямился. Его осанка говорила о том, что он не простой человек. Даже простое сложение рук в приветствии выдавало его выдающуюся основу боевых искусств.

— Господа, каков ваш истинный умысел? Если вы из мира цзянху, то я, Ша, уже омыл руки в золотом тазу и с этого момента не имею отношения к вражде и обидам мира. Прошу вас, проявите милость и отпустите меня.

Вэй Си услышал это и лишь тогда понял, что хозяин лапшичной тоже был человеком из мира цзянху, не зная, какие проблемы на него навалились, он добровольно решил уйти на покой и занялся торговлей лапшой.

— Омыл руки в золотом тазу? Ха-ха, ты сам натворил дел, хлопнул себя по бокам и развернулся, чтобы уйти, не позволяя другим взysкивать с тебя. Разве есть такие хорошие дела? Я думаю, пусть все убийцы и поджигатели приходят поучиться. Впредь, кто совершит дурной поступок, сможет просто сунуть руки в золотой таз, и всё будет списано, разве это не

будет невероятно удобно?

Монах действительно не стал отрицать мотив провокации и с усмешкой пнул скамью. Четверо из них тут же поднялись и окружили хозяина.

— Я... я не убивал и не поджигал, я просто... просто... — хозяин запинаясь, и выражение его лица внезапно стало подавленным.

Монах подхватил:

— Просто ночью проник в комнату девушки, воспользовался ситуацией и украл её невинность, не так ли?

В зале осталось мало посетителей, и услышав это, они ахнули. Эти гости, видя конфликт, сначала думали сбежать, но потом, услышав, что монах устраивает беспорядок, а хозяин якобы совершил насилие над девушкой, словно коснулись какого-то любопытного нерва, они вдруг остановились и не ушли.

— Я... мы с женой были взаимно влюблены, хотя познакомились окольным путём. Но... мы оба чувствовали одно и то же, это было по обоюдному согласию. Как можно такое дело ставить в один ряд с теми бесстыдными поступками!

Хозяин говорил с возбуждением, и судя по его словам, то, что сказал лже-монах, не было пустыми слухами. Однако он упомянул «жену», что, очевидно, делало обвинение в насилии не совсем достоверным.

— Хм, взаимная любовь? Ты изначально занимался теми самыми воровскими делами, перелезал через стену, встречал красавицу-девушку и по случаю воспользовался ею, что в этом странного? Скажи-ка, кто может подтвердить твои слова?

— Так это Ша Пинчу. — Су Цзиньчжи к этому времени уже отложил палочки и внимательно слушал их спор.

— Кто такой Ша Пинчу? — спросил Вэй Си.

— Один... великий вор.

Этот человек раньше тоже имел кое-какую известность в мире цзянху, его лёгкое искусство было особенно выдающимся, он приходил и уходил, как призрак. По слухам, Ша Пинчу во время одной кражи влюбился в мисс Ци с первого взгляда, они тайно встречались и тайно решили пожениться, но из-за разницы в статусах это не терпелось миром, и в конце концов они вместе сбежали.

Старейшина семьи Ци не верил, что дочь пойдёт за вором, и в один голос утверждал, что Ша Пинчу насильно похитил человека, что вынудило его сменить внешность и уйти в уединение.

Ша Пинчу раньше всегда закрывал лицо чёрной тканью и действовал в основном глубокой ночью, поэтому в мире цзянху мало кто знал его истинный облик. Лапшичная открылась уже более года назад, но никто не знал, что хозяин — человек из мира цзянху, и за этим стоит такая история.

— Жена умерла три месяца назад от трудных родов... — Ша Пинчу говорил о покойной жене, и его лицо было полно печали.

После побега они прожили мужем и женой всего год, мисс Ци умерла при родах, время встречи было коротким, снова затрагивая старые дела, неизбежно заставляя людей чувствовать тоску.

— Хе-хе, — лже-монах безжалостно усмехнулся дважды. — Значит, свидетелей нет? Кто знает, не стал ли ты пресыщенным, наигравшись с мисс Ци, уничтожил людей, чтобы замать следы. Ша Пинчу, я советую тебе не отпираться, покорно иди со мной повидать старейшину Ци, иначе ты, этот развратный вор, похитивший добропорядочную женщину, будет убит мной на месте во имя правосудия, и никто не скажет ни полслова!

Этот лже-монах на словах действовал во имя правосудия, но его слова и поступки были так наглы. Незнающий человек мог бы подумать, что он разбойник и собирается притеснять слабых.

— Вы... вы кто такие, почему вы так неистово преследуете меня? — хрипло спросил Ша Пинчу. — Раньше я воровал, но все награбленное целиком шло на помощь бедным и страдающим. Спрашиваю себя, хотя я и не героический рыцарь, стоящий на небе и земле, по крайней мере, я не большой злодей. Почему вы преследовали меня до сюда и почему так настойчиво давите?

— Всё равно то же самое: ты сам говоришь, что грабишь богатых, чтобы помочь бедным, но кто может это подтвердить? Ладно, теперь, когда мисс Ци умерла неясно при каких обстоятельствах, даже если я заберу тебя назад, это будет пустой тратой. Лучше покорно отдай свою голову, чтобы я мог сдать эту задачу!

Сказав это, лже-монах внезапно показал свирепый взгляд, полностью игнорируя косые взгляды окружающих, пальцы сжались в коготь, и он потянулся к груди Ша Пинчу.

Хотя Ша Пинчу уже ушёл на покой, его навыки не упали, шаг в сторону и уклонение, и он ушёл от того захвата, поднимая руку, чтобы заблокировать, и едва смог сдержать атаку противника.

Однако противников было много, один заблокировал, но всё ещё остались трое. Говорят, что два кулака не могут справиться с четырьмя руками, не говоря уже о том, что сейчас четыре руки удвоились, всего восемь рук.

— Слишком уж наглеют!

<http://bllate.org/book/16836/1548294>